

Народный артист

Когда поезд, замедлив ход, тяжело задышал и остановился, — пассажиры вздрогнули. Каждый из них знал, что именно сегодня, девятого марта, ровно в полдень, страна провожает в последний путь вождя, — и все же эта остановка потрясла всех.

Аман Кульмамедов подошел к окну. За окном лежала бескрайняя казахская степь. Весна уже коснулась ее снежного покрова, напоминала о себе черными проталинами в снегу, капелью, падающей с крыши вагона. Протяжно и то скливо гудел паровоз, репродуктор доносил из далекой Москвы залпы прощального салюта.

Навсегда запомнил Аман Кульмамедов день открытия четвертой сессии Верховного Совета СССР. Депутаты проходили мимо мавзолея в Спасском воротам Кремля. Все огромное пространство Красной площади, улицы и переулки, прилегающие к ней, были заполнены народом. Печальны и мужественны были лица людей. Народ давал молчаливый наказ своим избранникам быть достойными своей высокой миссии, народ еще раз напоминал им о той большой ответственности, которая ложилась теперь на их плечи.

В дни сессии Аман Кульмамедов, как никогда, много ходил по Москве. Он любовался красавцем-городом, его широкими площадями, проспектами, величественно устремленными вверх шпилями высотных зданий. Повсюду — на стенах домов, на лесах новостроек — он видел портреты великого и мудрого человека, творца исторической эпохи, по праву названной Сталинской эпохой. И Аман Кульмамедов испытывал гордость от того, что и он, простой и скромный советский человек, современ-

ник сталинской эпохи, прошел вместе со своим народом большой и славный путь всемирно-исторических свершений и побед.

Это было почти тридцать лет тому назад. Сентябрьским вечером 1923 года на перрон Ашхабадского вокзала, робко озираясь, сошли два подростка, в высоких тельпехах и халатах, перепоясанных ремнем. Долго ходили мальчики по улицам и переулкам столицы Туркменистана, задерживаясь у каждой витрины, у каждого киоска. Все было ново и интересно: не так, как в родном Геок-Тепе.

И только, когда начали загораться фонари и ночь надвинулась на город, юные путешественники вспомнили о цели своего приезда. Расспрашивая залопыхавших прохожих, они добрались до большого здания на площади Карла Маркса. На фронтоном выделялись слова: «Школа искусств Востока»... Так начался творческий путь народного артиста СССР, лауреата Сталинской премии Амана Кульмамедова.

До Великой Октябрьской революции туркменский народ не имел своего театра. Певцы-бахши и музыканты донесли из глубины веков сокровища народной поэзии и музыки. Маленький «чекинэ» — подпасок Аман помнит, как вечерами у дома отца, превосходного дутариста, собирались известные певцы, любимцы народа. Звенел дутар старого Кульмамедова, и высоко в звездное небо летела песня, полная печали и смелой мечты о счастливом будущем.

Бахши были и поэтами, и историками, и певцами, — всем, но только не актерами. Драматическое искусство было строжайше запрещено исламом. И поэтому, когда свежий ветер Октября пронесся над Туркменистаном, пробудилась творческая энергия народа, и

туркменская молодежь жадно потянулась к дотоле запретному искусству.

Театральные традиции нужно было создавать заново. И тут на помощь пришел опыт русского театра. По инициативе русских актеров в Ашхабаде стали возникать драматические кружки. И вскоре уже можно было говорить об открытии национальной драматической студии.

В числе первых в студию были приняты Аман Кульмамедов и его неизменный спутник и друг Чары Рахманов, покинувшие «Школу искусств Востока». Не совсем осознанное стремление к искусству вообще уступило место ясному и четкому желанию стать драматическими актерами. Студия, впоследствии превратившаяся в театр, воспитала у Амана Кульмамедова уважение к труду, любовь к искусству актера.

Пешком, на верблюдах прошел и объездил в эти годы Аман всю республику — от Чарджоу до Красноводска, от Кушки до Ташауза. Комсомольские бригады артистов несли в народ творчество молодых туркменских писателей. Повсюду они выступали с лекциями, рассказывали о тех невиданных изменениях, которые совершаются на шестой части земного шара. В одном из глухих аулов басмачи пытались сорвать выступление актеров. Но крестьяне прогнали прочь головорезов. «Тогда и понял, — говорит Аман Кульмамедов, — что наш театр стал родным народом». Искусство входило в жизнь, говорило громким и волнующим голосом. Жизнь и театр стилине были неразделимы.

От спектакля к спектаклю искусство Амана Кульмамедова. Он

играет в эти годы мужественного Кошкина в «Любови Яровой» — Тренева и дряблого Захара Бардина во «Врагах» — Горького, коварного Франца в «Разбойниках» — Шиллера и чудакватого Панталоне в «Слуге двух господ» — Гольдони. Он создает исторический образ любимого героя туркменского фольклора — Неймир-Кера.

Тогда же Кульмамедов сыграл впервые роль городничего в бессмертной комедии Гоголя «Ревизор». С тех пор прошло почти двадцать лет, но эта роль остается попрежнему свежей и яркой в палитре большого искусства актера. Секрет успеха этой роли в том, что артист, глубоко проникнув в замысел автора, создал образ умного и хитрого плута. Городничий у Кульмамедова необычайно эмоционален. Смена настроений происходит у него быстро и действительно. Все это делает образ энергичным и впечатляющим, придает ему ту жизненную достоверность, без которой не может быть настоящей сатирической комедии.

Талантливое исполнение роли городничего сразу выдвинуло Амана Кульмамедова в ряды ведущих актеров туркменской сцены.

Начиная с 1938 года Аман Кульмамедов, уже главный режиссер театра им. Сталина, ежегодно посещает Москву. Он учится в высшей академии актерского и режиссерского мастерства — в Московском Художественном театре. Здесь Аман Кульмамедов понял самое главное: воплощая на сцене характеры людей и сохраняя верность драматическому тексту, актер должен по-своему понимать мысли и чувства героя драмы. И от того, выражает ли актер идеи своего времени, зависит глубина и сила его искусства.

В исполнении Амана Кульмамедова ичная драма мавра стала большой общественной трагедией, приобрела гражданское звучание. Зерно образа Отелло актер нашел в реплике, исполненной гнева и обиды. «Черен я!» — восклицает мавр. И в этом он видит причину постигнутого его несчастья. И сейчас,

когда негритянский народ в Америке переживает трагедию расовой дискриминации и национального угнетения, эта реплика мавра звучит актуально и современно. Аман Кульмамедов поднял роль Отелло до больших высот гуманизма.

У каждого артиста есть своя большая мечта. Давно хотел Аман Кульмамедов сыграть роль великого Сталина. И когда, уже после войны, театр получил пьесу Павленко и Радзинского «Счастье» — мысль превратилась в действие.

Долго и упорно работал актер над этой ролью. Далеко за полночь можно было видеть свет в его кабинете. Аман Кульмамедов тщательно изучал биографию вождя, его гениальные труды, внимательно перечитывал историю партии. Он считал, что должен сыграть эту роль так, как он еще не играл. Да иначе и быть не могло! Бывший пастух, ставший крупным художником, видным общественным деятелем, Аман Кульмамедов всеми своими достижениями обязан родной Коммунистической партии, партии Ленина — Сталина.

Напряженный труд не пропал даром. Образ Сталина у Кульмамедова — это не только образ мудрого вождя, но и чуткого, заботливого друга и советчика. «Народ глядит в него, как в зеркало — и видит в нем себя», — говорит в пьесе Воропаев. Таким величественным и в то же время простым и душевным создал этот образ Аман Кульмамедов.

История творческого пути Амана Кульмамедова — это история туркменского драматического театра, история расцвета туркменского искусства Сталинской эпохи — национального по форме и социалистического по содержанию. Именно поэтом талантливым актер первым в Туркменистане был удостоен звания народного артиста Советского Союза. Сотни поздравительных писем и телеграмм получил актер в эти дни. Письма из братских республик, поздравления от русских друзей говорили о всенародном признании большого таланта.

И Аман Кульмамедов с новой энергией принялся за работу. В пьесе Гус-

сейна Мухтарова «Семья Аллана», поднимающей острые вопросы коммунистической морали, Кульмамедов сыграл роль старика Аллана, — почетного железнодорожника, ревниво оберегающего честь своей семьи — семьи советских патриотов. Знаком лауреата Сталинской премии, полученный за эту роль, как бы подвел итог тридцатилетнему творческого пути.

Туркменская поговорка гласит: «Чем больше плодов дает дерево, тем ниже склоняется его корона». В любое время года можно видеть высокую плотную фигуру Амана Кульмамедова на колхозных полях, в клубах, читальнях. Как и в годы своей комсомольской юности, артист заходит почти в каждый дом, интересуется всем: как работает колхозный драматический кружок, сколько медикаментов в сельской аптеке, правильно ли воспитываются дети в крестьянских семьях. Для всех находит Аман Кульмамедов доброе слово. И народ горячо любит «своего Амана». Он выдвинул кандидатуру артиста сначала в Верховный Совет республики, а затем дважды в Верховный Совет Союза ССР.

Приезжая в Ашхабад, дайхане обязательно заходят в театр. В антракте часто можно видеть живописную картину: артист в мундире городничего собрал вокруг себя группу колхозников в пестрых халатах и досконально расспрашивает их о колхозных делах. На этот раз перед дайханями не просто любимый артист, но и депутат, государственный деятель.

Аман Кульмамедов находится в расцвете своих творческих сил. В памятные мартовские дни, слушая печальный гудок паровоза в необятной казахской степи и затем в Москве, любясь гордыми башнями Кремля, окутанными весенней дымкой, актер-коммунист дал слово претворить в жизнь свой замысел — создать обобщенный и выразительный образ современника, героического человека нашего времени. Нет никакого сомнения в том, что и эта мечта актера будет осуществлена.

Я. КУРБАТОВ.